

Григорий Барац

Наши люди

Гомон одесского Привоза в полдень рыночного дня мог перекрыть только натренированный голос бывшего пионервожатого. В последний раз Леша Новосельский виделся со своим одноклассником по политеху Борей Громадским лет двадцать назад, на студенческом выпускном вечере. Нет, конечно, встречал мимолетно: «Привет – привет». Через общих знакомых знал, что тот, несмотря на «пятый пункт», дорос до замдиректора.

В институте Борьку любили студенты и жаловали преподаватели. Широкоплечий, мускулистый, высокий и быстроногий, он был капитаном институтской баскетбольной команды. В его раскатистый, как гром, смех влюблялись девчонки. И кликуха соответствовала фамилии – Гром. Закоперщик студенческих вечеринок, кавзэнщик, он пропускал лекции, но курсовые и экзамены сдавал слету.

Над наступившими временами «гласности и перестройки» посмеивался, но приглядывался. Впрочем, недолго. Вскоре открыл кооператив. Отказаться от приличной на ту пору стабильной зарплаты было непросто. Да и оставить завод, на котором вырос, было жалко. Но выбор сделал в пользу самостоятельности. Рискнул – открыл частное предприятие и перетянул к себе лучших заводских специалистов.

Леше же учеба давалась со скрипом. Зато легко и задорно мог организовать собрание. Стремительно преодолел первые ступени политической карьеры. На первом курсе его избрали комсоргом группы, на втором – факультета. С третьего курса – секретарь комитета комсомола института. Меньше четверки преподаватели ставили ему стеснялись.

По специальности работать ему не пришлось. Первая запись в его трудовой книжке – «инструктор райкома комсомола». Каждое лето ради выслуги работал вожатым в пионерском лагере. Не засиделся и в кабинете заведующего отделом. Перекочевал в горком партии. Еще бы годок – глядишь, и в секретари бы выбился. «Перестройку» и «гласность» перенес стойко, хотя скрыть раздражение от осмелевших крикунов на собраниях и зажавшихся кооператоров в импортных цветных пиджаках удавалось с трудом.

Предположить, что компартию разгонят, Леша не мог даже в кошмарном сне. Даром предвидения он не обладал за ненадобностью. Пел навсегда впечатанный в его память гимн: «Славой овеяна, волею спаяна, крепни и здравствуй во веки веков! Партия Ленина, партия Сталина – мудрая партия большевиков!». Чистосердечно верил, что она, партия, бессмертна. Так же, как простодушно верил, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

Зато работу свою знал крепко. Каждое утро ровно в восемь проводил оперативку, «поворачивая лицом к вопросу» и наставляя «жить жизнью народа» секретарей первичек и партторгов. Организовать «народное волеизъявление», партийное собрание, демонстрацию и митинг трудящихся в поддержку чего угодно для него, по его же выражению, «как у рака лапку оторвать». Хотя однажды прокололся, поставив во время открытия партконференции пластинку с гимном СССР в исполнении монашек патриаршего церковного хора.

Когда, как в кошмарном сне, исчезла «ум, честь и совесть нашей эпохи», Лешку чуть не хватил удар. Он не был готов понять и принять это крушение. Завис в безвоздушном пространстве, без опор и соприкосновений с действительностью, пока не очнулся в пустом кабинете. Инструктора успели расхватать всю мебель. Вывезли даже неподъемный сейф. Не погнушались даже пишущими машинками.

К новой жизни подстраивался и Привоз – самый обильный одесский рынок. На фасаде молочного корпуса, в котором торговали мясом, появились рекламные плакаты. Фруктовый пассаж забили галантерейные и обувные лавки. Наружные помещения

мясного корпуса заполнили магазинчики уцененных товаров, лотки с порножурналами и открытками. Профессиональные торговцы в самопальных цветастых передниках постепенно вытесняли не умеющих торговаться крестьян.

О Привоз! Сакральное место для одесситов всех мастей, и не только одесситов. В какие времена и скольким людям ты помог выжить, вернее, не дал помереть!

В первые годы после оккупации твоим теплом согревались бездомные калеки – обрубки прошедшей войны. Ночлег под прилавками и дневную кормежку нашли себе беспризорники послевоенной поры. И сейчас он подставил свои прилавки тысячам безработных одесситов и селян из распавшихся колхозов.

Доморощенные виноделы с одесского пригорода – Большого Фонтана – расхваливали вызревшие в бутылках на подоконниках крепленые вина из пахучих сортов «изабеллы» и «лидии». Болгары и гагаузы из болгарских сел Одесской области черпали из бочек жестяными литровыми кружками белое вино траминер, пахнущее лепестками роз.

Бородатые староверы в забродных сапогах из заболоченного устья Дуная везли знаменитую дунайскую селедку в огромных ивовых корзинах. Ее выкупали оптом пузатые торговки с соседних улиц. Тут же на глазах толпы солили в оцинкованных корытах и продавали втридорога.

Вязками сушеных белых грибов и маслят, солеными груздями торговали савранские крестьянки. Рядом угрюмые мужики молча выстругивали на продажу деревянные игрушки-свистульки. Громогласные грузины развешивали на канатиках шпажки чурчхелы из виноградного сока, застывшего вокруг грецкого ореха. Раскладывали баночки ядерных приправ хмели-сунели и ткемали из слив и алычи. Выстраивали пирамиды пурпурного граната.

Пугливо озираясь, торговали самопальными цветастыми трусами, юбками, сарафанами, халатами и прочей «швейкой» цеховики – стахановцы советской подпольной рыночной торговли. Им на смену пришли стыдливо и виновато улыбающиеся начинающие кооператоры – недавние инженеры, конструктора и технологи.

Приварок к заработку давал Привоз портовым рабочим, ловившим с пирса бычка до и после смены. Рыбаки-береговушники «дурили» скумбрию и ставриду, дрейфуя на надувных автомобильных камерах. Рыбный ряд пополняли креветками, рапанами и мидиями рыбацкие артели Инкермана, Красной косы и Затоки. Мутные воды Днестра и Турунчука выносили на Привоз раков-великанов, не больше десятка помещавшихся в ведро.

В Лешином дипломе было написано: «инженер-технолог». Но по специальности он никогда не работал. И даже будь он квалифицированным специалистом – все одно устроиться было некуда. Одно за другим закрывались конструкторские и технологические бюро, машиностроительные предприятия. Станки, которые они производили, внезапно стали никому не нужны. Оказалось, что закупали их в основном для переплавки.

Освободившиеся территории тут же застраивались ранее невиданными в Одессе высотками. Тут позарез нужны были каменщики, штукатуры, сантехники и другие работяги. Но Леша не умел и не хотел «пачкаться». Будь он посмелее, посмекалистей да пооборотистей, ему бы прямая дорога в челночники – спекулянты-международники. На это тоже не был способен. Изнежилась кабинетной работой. Не выносил дорожную толкотню, спешку, вагонное амбре. Терялся перед мундирами таможенников и пограничников.

«Непыльное место» подвернулось Леше случайно. Спешил спозаранку на Привоз за рачками для наживки – собирался порыбачить с пирса. А тут то ли на удачу, то ли на погибель дороге перегородила черная «Волга» со знакомым серебристым оленем на капоте. Не узнать такую машину Леша не мог. На ней сам городской партийный начальник ездил. Начальник высунулся из кабины и, подмигнув, крикнул:

– Наши в городе!

И кивком приказал сесть в машину.

– Пойдешь ко мне? Не обижу!

Апартаменты, куда босс поместил вновь назначенного заведующего складом Алексея Николаевича Новосельского, кабинетом назвать можно было только условно. Крутая фирма разместилась на мансардном этаже недавно выстроенной в порту гостиницы,

разделившей море и небо пополам. Стеклянная стена за массивным письменным столом открывала вид на море с высоты птичьего полета. Огромный, как айсберг, холодильник нашпигован был импортными напитками и вкуснятиной. Непрерывно жужжащий кондиционер склонял к дремоте. Леша частенько засыпал после обеда в бархатистом с золотым отливом кресле или на миниатюрной софе с такой же обивкой. За все это неожиданно свалившееся счастье он рассчитывался подписью в ведомости о зарплате и еще каких-то бумагах, в которых не разбирался, но смутно чувствовал неладное.

Не прошло и года, как генеральный исчез. Нового генерально-го Леша тоже знал по прежней работе, но близко знаком не был. Уж больно высоко тот летал – партийным секретарем всей области. Леша хотел улизнуть по-тихому – уволиться «по собственному». Но ревизия при передаче дел обнаружила многомиллионную недостачу. Он не отрицал – подписи были его, собственноручные. На вопросы следователя, а затем и судьи, куда делся товар, упорно молчал, поджав губу и пожимая плечами. И не потому что скрывал. Он и вправду ничего не знал. Но отвесили ему по полной – два с половиной года исправительной колонии общего режима.

Куда ни тыкался Леша, «откинувшись», от сидельца всюду отмахивались. Привоз приютит, обогрет, накормит. Поначалу работал грузчиком за «кэш», то есть за наличку. Со временем открыл лавку по разделке рыбы.

Простое приспособление из толстой дубовой доски с прибитым в торце зубчатым прихватом помогало Леше разделять рыбу, почти не глядя. Прихват закусывал рыбий хвост, освобождая от необходимости удерживать скользкую тушку. Скребок сдирал слюдяные пластиночки рыбьей чешуи, покрывая Лешу с головы до пят серебряным конфетти. Заметив Борю, он на мгновение замер – и тут же в башке стрельнуло: «Может, это шанс?».

Рассекая толпу, шмыгая между прилавками, Леша орал во все свое пионервожатское горло: «Гром, Гром!» – не выпуская из виду колеблющуюся над людским морем, как буюк на волнах, рыжеволосую копну. Догнал его, лишь выбежав из ворот на Преображенскую, где стояли фуры с арбузами и дынями. Не решился тронуть за плечо. Забежал вперед, обернулся и замер, расставив руки.

– Лешка, это ты? – удивленно разглядывая сокурсника, произнес Громадский. – Что за видос?

– Ну вот, так и знал, – засмутился Леша. – Меня многие теперь не узнают. А ты, я вижу, забурил.

Еще догоняя Громадского, Леша узрел кожаный лейбл «Монтана» на поясе джинсов. Металлическая бляха на заднем кармане с орлом подтверждала, что это настоящие Штаты. Желтая бейсболка USA California и «адики» – модные кроссовки с платформой под пробку – подтверждали благосостояние их владельца.

– Да узнаю я тебя, узнаю. Только прикид у тебя какой то...

– На работе я здесь, на рыбе стою, понимаешь. Больше никуда не берут после отсидки.

– А за что залетел?

– Да бес попутал, вернее, наши люди подставили, свои, из бывших. Они теперь под пальмами загорают, а я на Привозе чалюсь. Может, у тебя какой-нибудь заработок найдется?

– Это уже не на стоечку разговор. Пойдем в тенок, вон туда под грибочек, по чашечке кофейку хлебнем.

– Мне бы лучше пивка дерябнуть, – постучав пальцем по кадыку на тонкой шее, попросил Леша. – В горле пересохло.

– Так говоришь, никуда не берут? – прищутив раскосые миндалевидные глаза и вставив дорогую коричневую сигарету в пухлые губы, переспросил Громадский.

– Ты понимаешь, после тюрьги ко мне относятся как к еврею, – задумчиво произнес Леша, разомлев от холодного пива. – Ой, извини пожалуйста, ты же знаешь, я ничего против евреев не имею. Я же со всеми вашими, то есть нашими студентами корешевал, – путано оправдывался Леша.

– А как насчет бухала?

– Я давно в завязке, кроме пивка, да и то не больше кружки в жару, – не моргнув, соврал Леша.

– Нужен мне человек твоего плана, из ваших, из бывших, со связями. Только работа не сидячая – разъездная. Как жена к этому отнесется?

– Так это же песня прямо про меня. Семьи у меня нет. Родаки померли, когда я сидел, а жениться – сначала некогда было,

а потом не успел. С нашими людьми вплоть до столицы знаком. Но давненько не контачил. Да и кто с бывшим эком свяжется!

– Про судимость не бери в голову. Снимем досрочно. В райсуде председателем бывший завотделом горкома Вася Хмырев. Да ты его не можешь не знать. Из ваших людей. Хотя берет умеренно, не хапуга. И, видимо, с верхними делится, потому что давно сидит. А тебе это первая проверочка будет. Посмотрим, как и за сколько договоришься.

– Отсыпь только монет немного авансом – прикид поменять. Отработаю, гадам буду и век не забуду.

На Борины деньги Леша сумел не только прилично приодеться в секондхенде, но и нализаться с корешами в ближайшей к Привозу рюмочной. Проснулся по привычке затемно. Кряхтя и чертыхаясь, стал собираться на Привоз. И вдруг дернулся, вспомнив свой уговор с Борей. Мигом протрезвел, засуетился.

Бросил в сумку мочалку, мыло и станок с лезвиями «Нева». Ближняя к нему баня на Базарной закрылась. Баню Исаковича на Челюскинцев, которой недавно вернули имя Кузнечной, приватизировали, превратив в дорогостоящий фитнес-центр. Государственной еще оставалась излюбленная молдаванским рабочим баня на Провиантской. Но и тут рыночная экономика пустила свои побеги. Цена подросла. Попасть сюда можно было, только прождав очередь, восседающую на стульях, расставленных по обеим сторонам длинного коридора.

Здесь сохранилась настоящая русская парная. Котлом служил металлический кожух неразорвавшейся немецкой подводной мины. У парильщиков можно было разжиться можжевельным, дубовым, березовым и даже эвкалиптовым веником. Запахом вареных раков и вяленой тарани пропитан буфет на застекленной веранде.

В банной парикмахерской на два кресла заправляла семья Голдмахеров: Люда – дородная русская блондинка неопределенного возраста с кроваво-красными губами, и Ньюма – небольшого роста голубоглазый еврей с лицом, похожим на моченое яблоко, и плешью на макушке, прикрытой с недавних пор кипой. Она мастерски стригла, он – виртуозно брил. При этом они не закрывали рты, сплетничая, выведывая новости у клиентов и переругиваясь

между собой. Но оба давали «барашка в бумажке» заведующему бани Миколе Никифоровичу Плющенко.

К нему-то и направился Лешка, чтобы попасть в баню без очереди. В прежние времена инструктор райкома Микола был на посылках у завотделом Новосельского. Кого встретить, кого проводить, кого напоить. За глаза его называли «нужником». Он это знал, но не обижался. Когда его назначили директором бани, посчитал это ссылкой. Поначалу затосковал, запил. Удивился, когда бухгалтер сунул ему в ящик письменного стола обернутый в обрывок газеты пухлый пакетик сторублевков. Пакетики потоньше принесли банщики и парикмахеры. Лишь тогда он понял, зачем его выслали. Деньги делил по-честному – на три части: хозяину района, хозяину банно-прачечного комбината и директору бани, то есть себе.

Дверь в маленький кабинет с окном во двор была открыта. На столешнице письменного стола, затянутой зеленым сукном, стоял небольшой пузатенький самовар и медный чайник. Под струей вентилятора сидела в вышиванке расплывшаяся копия Плющенко. Его еще можно было узнать, несмотря на тройной подбородок и сверкающие хромом коронки.

– Здоровеньки були, товаришу начальник, – зашлепал пухлыми губами Микола. – Сидайно негайно. Що вам насипати? Чайку чи кофейку?

– Знаю я твой кофеек. Небось в чайнике коньячок, а в самоваре водка. Не сегодня. После дела зайду.

– Вот у вас чуйка, товаришу начальник. А що треба?

– Запусти меня, чтобы я на стрелку не опоздал.

– Так то нам, як ви мовитэ, у рака лапку видирвати.

Пока банился, Лешка продумывал, с каких козырей зайти к Василию Никодимычу Хмыреву. По прежнему статусу он был ровней, а на сегодня – гора с кочкой. Председатель районного суда – не хрен собачий.

Первый этаж здания суда, бывший прежде райкомом партии, переоборудовали в залы судебных заседаний. Судьи и их помощники сидели этажом выше. Дверь туда была закрыта на кодовый замок. Рядом – знакомая со старых времен табличка: «Посторонним вход запрещен». Здесь прежде рулили партийные боссы – секретари райкома партии. В общем, все по чину.

– Товарищ Новосельский? – голос удачи Леша узнал не сразу. Впрочем, если бы пацан, окликнувший его, не признал в нем своего пионервожатого, ни за что бы не догадался, кто он такой. – Я – Стас, ну помните, староста первого отряда, помните? Пионерлагерь «Нефтяник» на девятой Фонтана, помните? А поход на вёликах по берегу Тилигульского лимана помните? Вы меня без рук кататься научили.

– Отлично помню, – не моргнув глазом и скорчив приветственную улыбку, Леша протянул руку нежданно свалившейся везухе. – Ты, я вижу, тут за главного, – ухмыльнулся он, кивнув на кипу бумаг под мышкой у Стаса.

– Ну не главный, помощник главного, вот уже почти год, сразу после юрфака, – похвастался Стасик.

– Так ты настоящий юрист, далеко пойдешь, – польстил ему Леша. – Ты и сейчас уже многое можешь. Наверняка тебе ничего не стоит провести меня к твоему шефу.

Стасик тут же насупился, зыркнул по сторонам, взял Новосельского за руку и вывел на лестничную площадку.

– А вот и стдит, – просипел он в ухо Новосельскому. – Такса известная. Подняв вверх указательный палец, продолжил: – Ее сам установил, – и, оглянувшись, добавил: – С вас бы я не взял. Но если шефу скажу, что задаром привел, он подумает, что взял и не поделился, – черкнув цифру на листке бумаги, он на мгновение поднес его к носу Леша и сказал: – Если подходит – пойдём. Я как раз наверх иду.

Наверху в самом большом кабинете сидел Василий Никодимыч Хмырев. Отсюда он руководил самым крупным районом города. Сюда вызывал на ковер директоров предприятий. Сюда же приходили репетиторы, которые помогли ему сначала получить диплом юриста, а потом степень кандидата юридических наук. А самое главное – адвокатскую лицензию. Причем ни за что не пришлось платить. Кто может отказать первому секретарю райкома?

Пессимист по натуре, Хмырев нутром чувствовал: идет к тому, что партию разгонят, а страна расколется и разлетится вдребезги. И хотя на партийных конференциях поддерживал генеральный курс партии, потихоньку приспосабливался к ненавистным словам «перестройка», «гласность», «рыночная экономика».

А какие профессии самые востребованные и денежные в период дележки собственности? Конечно же, адвокаты и судьи. Василий Никодимыч выбрал последнее и, как оказалось, не прогадал.

– Давай, давай, заходи смелее, Алексей Николаевич, – гулко прозвучал в объемном кабинете командный баритон Хмырева. – Стас, верни входной билет. Это наш человек!

– Спасибо, признал, тронут, – зачастил Леша, подходя к столу председателя суда по знакомой с прежних времен красной ковровой дорожке.

– Садись! Ой-йой-йой, присаживайся. Знаю, ты свое уже отсидел! Ну не тяни, говори, зачем пришел. Как сказал классик: «Время, которое у нас есть, – это деньги, которых у нас нет!».

– Пустой я. Пришел с протянутой рукой.

– Так я ее пожму.

Хмырев расхохотался собственной шутке.

– Не за деньгами я. Помогите как коммунист коммунисту. Судимость надо снять, – залепетал Леша. – С ней на работу не берут.

– Всего-то? Мы наших людей в бидэ не бросаем, – вновь заржал, рассмешив себя, Хмырев. – Но тут «БП» не пройдет.

– «БП»? Это кто? – встревожился Леша.

– Да ты, видать, совсем дремучий. «БП» – это беспартийный, беспородный, а в твоём случае бесплатный.

– Так я на «БП» и не рассчитывал. Хотелось бы скидку на «П» как своему человеку.

– Это не ко мне, – замотал головой Хмырев. – Я этим не занимаюсь, – и почти шепотом добавил: – В приемной Стасик сидит. Он тебе подскажет.

От цифры, которую Стасик нарисовал «со скидкой» на обратной стороне все того же листочка, Леша вспотел.

– Любую половину, – произнес он, потупившись.

– Согласовать надо, – ответил Стасик и юркнул в кабинет.

– В виде исключения, как своему человеку, – все на той же лестничной площадке прошептал Стасик.

Следующим утром Леша бежал к Громадскому, пританцовывая, ликуя и кичась собой. Его грела бумага, лежащая в заднем кармане спортивного самопального под «Адидас» костюма, – постановление суда о досрочном погашении судимости. Скоро оно

войдет в законную силу – и бывший «гражданин зэк» снова станет «товарищем». И только одна потаенная мыслишка мешала радости стать беспечной: накинуть ли к сумме взятки судье сотенку-другую «зеленых» себе? Подходя к кафешке на углу недавно переименованных улиц Преображенской и Пантелеймоновской, где ждал его Боря, решил: и так сэкономил, не обеднеет, зато будет на что отметить.

Сумма взятки, которую назвал Леша, не вызвала у Громадского никаких возражений:

– Нормально управился, считай, ты в обойме, – сказал он, отсчитывая купюры.

– Это – командировочные, – передовая пачку «зеленых» Леше, объяснил Громадский. – Наш девиз: «доверяй, но проверяй», – и, увидев округлившиеся Лешины глаза, добавил: – Завтра едешь поездом в Черновцы. Задача простая – сопровождаешь товар, передаешь его заказчику – и назад. Всего-то делов на двое суток. Как справишься – премию не пожалею. А это, – Громадский отсчитал ему еще несколько купюр, – на крайний случай: вдруг проблемы возникнут, и кому-то дать придется.

Хриплый звонок транкового телефона просипел, когда жена подала шабатный ужин. Религиозным Громадский не был. По субботам иногда забегал в синагогу, но, не дождавшись окончания молитвы, отправлялся домой. Ему нравилось, когда к его приходу стол был накрыт и посередине мерцали две зажженные свечи.

Уже намазан фаршмаком поджаристый кусочек черного хлеба. Аппетитно расположилась в селедочнице гефилте-фиш – фаршированная рыбка из судака и коропа. Плавает в пиалке «шмотес» – замаринованные листья зеленого салата. Рядом фасолевый цимес с «лакированными» кусочками красного перца. На плите в чугунке, завернутом в кухонное полотенце, томится эсик-флейш – кисло-сладкое жаркое из телятины, чернослива, помидор и медового пряника. Рядом шкварчит на маленьком огне гефриште-моцес – вымоченная в молоке жаренная с яйцами маца.

Голос Леши прорывался сквозь треск и хрип. Но по прорезавшимся словам «погранцы высадили» понял, что произошло.

– Ты таможенную декларацию заполнил? – прокричал в трубку Громадский. – Бланк со всеми документами у тебя.

Растерянный Леша сбивчиво оправдывался. Не мог же он сказать, что заснул после выпитой чекушки водки сразу, как поезд тронулся.

– Кто мог знать, что поезд из Украины в Украину идет через Молдавию? И всего-то километров десять.

– Кто мог, кто мог? – сердито проворчал Боря. – Чаше несовершенку свою включай. А ты как-то пробовал отмазаться?

Остывал шабатный ужин. Уже налиты были бокалы красного кошерного вина. Голодному Боре так ломало вместо ужина ехать в ночь километров шестьдесят. «Будь что будет, – подумал он, – невелика потеря». Но в трубку прокричал:

– Сам выпутывайся, не сегодняшний, – и выключил телефон, не ожидая ответа.

Вход в таможенный терминал был подсвечен фонарями. В тот момент, когда Леша взялся за ручку, дверь сама открылась нараспашку. Из нее навстречу выкатился круглый человек, на голове которого набекрень сидела фуражка с трезубчатой кокардой. Объятия, в которые заключил Леша «колобка», говорили о том, что это старый знакомец и свой человек.

– Ты кем здесь? – разжав объята, поинтересовался Леша.

– То же место в строю, на той же позиции, что и в райкоме, – замначальника.

– Так ты мне и нужен, дорогой мой! – воскликнул Леша.

– Возвращаться – плохая примета. Не могу. Сейчас состав с интуристами и челночниками подойдет, нельзя упустить.

– Отблагодарю, – потирая пальцы характерным жестом, посулил Леша. – Дело плевое, всего пару минут.

– Не могу. Меня мигом турнут, если я без улова останусь, – объяснил замначальника. – Да ты заходи, там все свои.

«Своими» оказались действительно все. На обнимашки-целовашки с Лешей выстроилась очередь. Весь идеологический отдел горкома партии – от инструктора до начальника – в полном составе перекочевал на таможду. Начальник отдела Павел Никанорович Стерненко, в прежней жизни подчиненный Алексея Николаевича Новосельского, долго тряс Лешину руку, приговаривая: «Наш человек, наш человек». Но, заглянув в протянутый ему конверт, громко крякнул, скривил недовольную рожу и, глянув на Лешу, произнес:

– От чужих посчитал бы за оскорбление.

В конверте лежали не все купюры, выданные Громадским на «крайний случай». Половину Леша заранее прикарманил.

– Блат – превыше Совнаркома, – парировал Леша.

Выспавшись за двое суток пути, Леша прямо с вокзала зашагал по Пушкинской к офису Громадского, гадая, получит ли премию. «Задержка на таможне, конечно, мой косяк, – думал он про себя. – Но и отмазал тоже я».

Офис Громадского разместился на первом этаже двухкомнатной квартиры, выкупленной у выехавшей в Израиль семьи. В первой комнате большой стол занимал бухгалтер Марик-календарь – пожилой конопатый еврей со скрюченными пальцами на левой руке. Он обладал удивительной способностью мгновенно назвать день недели на любое число любого года. Пальцы ему сломали за другую способность – неосознанный подсчет всех предметов. Прежде работал грузчиком универмага. В его памяти надолго застревало количество полученного товара. Когда в докладе директора на собрании прозвучали цифры, не совпавшие с подсчетом, хранившимся в голове Марика, его словно подбросило.

– Товарищи, нас обокрали! – громогласно произнес Марик и выдал на-гора правду-матку, которая обошлась директору в немалые деньги, чтобы погасить скандал, а Марику в поломанные «неизвестными» хулиганами пальцы.

Подняв глаза на Лешу, он, не здороваясь, спросил:

– Отчет принес?

Поддерживая допотопные очки с круглыми стеклами, Марик быстро пробежал исписанный Лешей листок и отрывисто произнес:

– Ждите. Доложу.

Что значит вечность по сравнению с несколькими минутами перед дверью кабинета Громадского, за которыми скрылся бухгалтер?

– Вас ждут, – выходя и не закрывая дверь, строго сказал Марик.

По тону и взгляду бухгалтера Леша почувствовал что-то неладное. С трудом натянув на лицо приветственную улыбку, он вошел в небольшую комнату, которая называлась кабинетом. Боря сидел за столом спиной к книжным полкам, лицом к двери. Рядом

раскладывающийся диванчик. С потолка свисала люстра с прозрачными пластмассовыми висюльками под хрусталь, оставленная прежними жильцами. Если бы не несколько стульев, выстроившихся вдоль стены, – обычная жилая комната.

Перед Громадским лежал Лешин отчет.

– Жадность фраера сгубила, – безучастным тоном, не глядя на Лешу, произнес Боря и ткнул пальцем в цифры. – Ты дважды прокололся. Когда мне судейский решала Стасик нашептал, я засомневался. Этого сучонка ваши люди вышколили. Он за бабки маму родную продаст. А на тебя наклепать – ему как два пальца об асфальт. Но когда мне твой партийный кореш с таможни намекнул, как ты на мне экономишь...

Леша тупо глядел в пол, не в силах произнести ни слова.

– На меня не греши, – продолжил Громадский, прервав гнетущую паузу. – Предупреждал тебя, что доверяю, но проверяю. Руки у тебя оказались липкими – деньги к ним пристают. Так что работать ты у нас, прости, не будешь...

Громадский встал, давая понять, что разговор окончен.

– А премию? Я же все-таки... – запричитал, чуть не плача, Леша.

– Ну, ты нахал, – удивился Боря. – Ладно, но это будет не премия, а, скажем так, выходное пособие...

Денег хватило на неделю пьянства со знакомыми забулдыгами и еще неделю самостоятельного запоя. В хмельном бреду снял одну комнату в коммуналке на улице, тянущейся вдоль всего Привоза. Только здесь, в Новощепном ряду, в одноэтажных полуразвалившихся домах можно было снять жилье за гроши. Свою квартиру сдал на лето курортникам, чтобы было на что жить.

...После утреннего августовского ливня разбитая дорога, перерезанная множеством трамвайных путей, превратилась в месиwo грязи и мусора. Перепрыгивая через рельсы, Леша добрался до рыбного ряда. Летний солнечный мячик играл в салки с догоняющими его мятыми дырчатыми облаками. Проскальзывая между их рваными краями, он сверкал, как из-под купола цирка, пучком ярких лучей. Подмигивал ранним покупателям и подзадоривал продавцов. Налившиеся обидой облака постепенно превратились в сизые тучки. Сталкиваясь и объединяясь, они заперли за собой солнышко. Заморосил теплый мелкий дождик.

Самопальный прилавок, сбитый из стянутых на ближайшей стройке обрезков досок и фанеры, не имел козырька от дождя. Полиэтиленовым плащом-дождевиком Леша запасся. А рыбе что сделается?! На прилавке в очереди на разделку били хвостами пара речных зеркальных карпов, рядом вытянулся сверкающий серебряной кольчугой черноморский лобан, за ним полосатый морской судак с Хаджибейского лимана и царица рыбного ряда – покрытая шипами, плоская и широкая, как блюдо, камбала. Мелочь – бычка, барабульку, ставридку – Леша старался не брать, особенно после обеда. Себе говорил: «Всех денег не зарабатываешь». Заспавшихся дамочек подначивал: «До обеда – хозяйка, после обеда – разгильдяйка».

Не только одесситы, но и многие приезжие знали Лешу не первый год. Приходя на базар, первым делом покупали рыбу и оставляли ее Леше на разделку. Затем лишь «делали Привоз» и возвращались за рыбой. Туристов, пришедших поглазеть на Привоз, Леша называл балластом. Но потрепаться с ними иногда, особенно во время перекура, ему доставляло удовольствие. Летом он неплохо зарабатывал и мог позволить себе болгарские сигареты «Родопи» с фильтром.

Как она появилась? То ли воспарила с сизым дымком сигареты, то ли опустилась перед Лешиным прилавком на мерцающих лучиках пытающегося пробиться сквозь дождик солнца. Эта голубоглазая одесская фея в широкополой соломенной шляпе проплывала перед ним в вымокшей прозрачной пляжной тунике, сквозь которую проглядывал сине-желтый купальник. Льняные прямые пряди спадали на оголенные загорелые плечики. В руках резиновые сланцы. Босые ножки скользили по лужам.

– И где же шаланды, полные кефали? – осветив улыбкой прилавок, спросила она.

– Мадмуазель, – подыгрывая шутливой тональности, учтиво обратился Леша, – если вокруг вода, вы думаете, она сама сюда приплывет?

Она смеялась, как курлычут журавли, подняв вверх курносый носик. Помахав ладошкой с тонкими дворянскими пальчиками, расплылась в толкотне базарного дня.

Как, за счет чего происходят метаморфозы в уме и душе, Лешка не осознавал и даже не задавался этим вопросом. Он просто внезапно наполнился чувством понимания собственной значимости. Он прозрел, он почувствовал всем естеством, что это все его. Что этим и нужно жить, доставляя людям удовольствие тем, что можешь в меру своих сил и способностей. Это его Привоз, его место, его город, его люди! А он их человек, и ничей больше! И эта девушка его, его, его! Набросив плащ на прилавок, он вклинился в толпу ей вслед. Догнал он ее или не догнал, автору неизвестно. Да и какое это имеет значение...

30 марта 2022 г.

